

kremlin.ru

Встреча с представительницами лётного состава российских авиакомпаний

30-43 minutes

Перед началом встречи глава государства ознакомился с полнопилотажными и аварийно-спасательными тренажёрами образовательного комплекса, воссоздающими в учебном процессе обстановку, близкую к реальности. Президент осмотрел кабину, позволяющую отрабатывать навыки управления российским среднемагистральным узкофюзеляжным лайнером МС-21, и в сопровождении командира воздушного судна лётного отряда «Аэрофлота» Марии Касяник совершил имитационный полёт на авиасимуляторе «Сухой Суперджет-100». Владимир Путин также посетил уникальный центр «Вода – суша» по подготовке экипажей к нештатным ситуациям, в том числе вынужденной посадке на воду, тушению пожара, эвакуации пассажиров по надувным трапам.

* * *

В.Путин: Дорогие друзья, добрый день!

Сегодняшний Министр транспорта [Виталий Савельев] – в недавнем прошлом руководитель группы «Аэрофлот», как вы знаете, – давно меня просил и предлагал приехать, посмотреть этот учебный и тренажёрный центр. Так

совпало, что и события известные происходят, и 8 Марта на носу, поэтому мы с ним всё-таки решили ничего не откладывать, несмотря ни на что, а посмотреть, что здесь есть, как это используется и каковы перспективы этого центра.

Смотрите также

Надо сказать, что это впечатляет. Маша [Касяник] показала, как и что управляется, я под её руководством подвигал джойстики. Это действительно здорово, тем более что есть и новые поколения этих тренажёров, руководитель сейчас тоже рассказал об этом, и внешне я на это посмотрел.

Но, конечно, мы используем сегодняшнюю встречу для того, чтобы поговорить о перспективах развития отрасли.

Поговорим, наверное, о сегодняшней ситуации – от этого никуда не уйти, само собой разумеется.

Но вначале, конечно, хочу вас всех поздравить с наступающим праздником 8 Марта, пожелать вам всего самого доброго, всем вашим коллегам. К женщинам России я ещё смогу обратиться чуть попозже.

Но хотел бы сказать, что в отрасли, о которой мы говорим, в которой вы работаете и к которой вы относитесь, работают, по-моему, свыше 70 тысяч женщин. Есть и пилоты – свыше двухсот: первые пилоты, вторые пилоты. Я уже не говорю о стюардессах, о бортпроводниках – это вообще особый отряд, особая каста.

К авиации всегда у нас относились с особым уважением, с особым интересом, к женщинам в авиации – тем более. У нас, по-моему, уже в начале прошлого века первые женщины появились в авиации, блестяще зарекомендовали

себя и в ходе Великой Отечественной войны – мы знаем все эти знаменитые названия полков женских, как они воевали, знаем – и сейчас работают на всех должностях: и диспетчеры, и инженеры, техники, повторяю ещё раз, бортпроводники, пилоты. В общем, такой серьёзный очень женский отряд, который дополняет мужскую часть авиационной отрасли.

Вы знаете, я на этом бы все вступительные слова закончил, потому что, мне кажется, будет более полезно и более конкретно, если я смогу ответить на ваши вопросы. Давайте к этому и перейдём.

Ещё раз с наступающим праздником вас, с 8 Марта!

Реплика: Спасибо!

В.Путин: Пожалуйста, есть какие-то вопросы? Или просто чай попьём?

М.Котова: Вопросы есть.

Владимир Владимирович, добрый день!

Меня зовут Котова Мария. Я являюсь вторым пилотом воздушного судна Airbus A320 авиакомпании «Аэрофлот».

Вопрос мой касается текущей ситуации на Украине. Мы все поддерживаем Ваши действия, поддерживаем проведение спецоперации, которая сейчас там происходит. И конечно, самый главный вопрос, который так или иначе задавал себе каждый из нас в последнее время: почему началась эта спецоперация, неужели её нельзя было избежать?

Разумом мы понимаем и всячески поддерживаем Ваши действия, но наше женское сердце неспокойно за родных, за близких, за тех, кто остался на Украине. Мы знаем, что гражданское население не страдает. Но всё-таки скажите

нам, успокойте нас: что ждёт нас в конце этого пути? Чем должна закончиться военная операция на Украине?

Спасибо.

В.Путин: Я очень коротко, но всё-таки вынужден начать, как в таких случаях говорят, с центра поля. Я сказал об этом при начале операции и говорил до того, как было принято это решение – тяжёлое решение, без всяких сомнений.

В чём дело? Дело в том, что после государственного антиконституционного переворота на Украине, который активно поддерживался, к сожалению, западными странами... Чего греха таить, они же не скрывают этого, прямо сказали, что затратили на это пять миллиардов долларов, пирожки горячие раздавали на Майдане и так далее. А потом, вместо того чтобы вернуть ситуацию, даже если она вышла из-под контроля, даже если это так называемый эксцесс исполнителя – есть такое юридическое понятие, то есть планировали одно, а сделали другое, – всё равно могли и должны были бы вернуть эту ситуацию в политическое русло. Тем более что накануне этого госпереворота приехали три министра иностранных дел в Киев в 2014 году и подписали с действующей тогда властью соглашение и выступили в качестве гарантов этих договорённостей – о том, что ситуация будет развиваться в политическом русле.

Нет, ничего подобного. Совершили госпереворот.

Поддержали тех, кто совершил госпереворот. А затем последовали известные события, связанные с Крымом и с юго-востоком Украины, с Донбассом, где люди не поддержали этот переворот.

Крым, как известно, принял решение – люди пришли

на референдум и проголосовали – вернуться в состав Российской Федерации. Естественно, мы не могли этого не поддержать, тем более что они подвергались опасности со стороны националистов и неофашистов. Я сейчас скажу, что есть полные подтверждения тому, что они тогда были правы.

А потом, или практически параллельно, начались события в Донбассе. К чему это привело? Люди, которые, по сути, начали сопротивляться такому развитию событий, начали подвергаться преследованию, и на этой территории киевские власти начали проводить военные операции. Провели две крупномасштабные карательные военные операции с применением тяжёлой техники, боевой авиации, прямо били по Донецку, по площадям лупили сверху, танки, авиация и так далее.

Обе эти военные кампании оказались провальными, они потерпели поражение. После этого возникли так называемые Минские соглашения, или Комплекс мер, как его официально называют, который показал путь мирного разрешения этого конфликта. И мы старались, делали всё, для того чтобы пустить развитие событий именно по этому руслу, для того чтобы восстановить территориальную целостность Украины и защитить интересы людей, которые на этих территориях живут.

А что они требовали? Элементарных вещей: права говорить на родном для них, в данном случае на русском, языке, жить в рамках своих традиций и своей культуры. Ничего особенного не было. Ничего особенного.

Нет, организовали блокаду этих территорий, отключили их от банковской системы, от продовольственного снабжения,

от выплат пенсий, пособий и так далее. Подачки какие-то подбрасывали, и то, для того чтобы получить эти пособия и пенсии, надо было проходить линию разграничения.

Послушайте, вы знаете, что я сейчас скажу? Может быть, это жёстко прозвучит, прямо мне в голову пришло, но тем не менее ситуация заставляет говорить такие вещи. Вы сами видите: когда у нас то в одном, то в другом регионе бродячие собаки набрасываются на людей, ранят, даже есть летальные случаи, а потом – это отдельная проблема, и местные власти должны эти заниматься – мы видим, когда начинают травить этих животных, убивать их, расстреливать... Послушайте, но люди в Донбассе – это не бродячие собаки. От 13 до 14 тысяч человек убили за это время, за эти годы, более 500 детей убиты или искалечены.

Но что особенно нетерпимо – это то, что этот так называемый цивилизованный Запад предпочитает этого не замечать все эти годы. Послушайте, восемь лет!

Более того, в последнее время власти в Киеве прямо начали заявлять, публично, о том, что они не собираются выполнять эти соглашения. Они же говорят об этом прямо с экранов телевизоров, в интернете – везде публично говорят «не нравится», «не будем». При этом Россию продолжали обвинять в том, что мы не выполняем эти соглашения. Какой-то бред просто, театр абсурда: на то, что белое, говорят «чёрное», а на чёрное говорят «белое».

В последнее время ещё хуже. Вдруг заговорили о том, что собираются, то есть говорят уже давно, но начали всё активнее и активнее говорить о том, что Украину примут в НАТО. Вы понимаете, к чему это могло привести или может привести ещё до сих пор? Если это страна НАТО,

то в соответствии с договором об образовании этой организации все другие члены альянса должны поддерживать эту страну в случае военного конфликта. Крым российским, кроме нас с вами, никто не признаёт. Они проводят военные операции на Донбассе, так же полезут и в Крым, и тогда мы должны будем воевать со всей организацией НАТО. Это что такое? Последствия понятны или нет? Думаю, что для всех понятны.

Теперь заговорили о том, чтобы приобрести ядерный статус, то есть приобрести ядерное оружие. Мы не можем пройти мимо таких вещей, тем более что мы знаем, как так называемый Запад ведёт себя по отношению к России.

Во-первых, у Украины с советских времён есть ядерные компетенции, что касается обогащения ядерных материалов, они смогут организовать эту работу. Есть ракетные компетенции, один «Южмаш» чего стоит – создавал ракетную баллистическую технику межконтинентальной дальности для Советского Союза. Нарастят и сделают. А там из-за океана ещё и помогут это сделать. А потом скажут, что «мы ядерного статуса не признаём, это сделали сами». Поставят эти комплексы под контроль, и с этой секунды, вот с этой самой секунды судьба России будет совсем иной. Потому что тогда нашим стратегическим противникам и не нужно даже иметь баллистические ракеты межконтинентальной дальности, вот здесь прямо будут держать нас на ядерной мушке, и всё.

Но как же мы можем пройти мимо всего этого? Это абсолютно реальные угрозы, это не какая-то ерунда надуманная. И ребята наши, которые там сейчас сражаются, жизни свои кладут, – они кладут жизни, сражаются за наше будущее, за будущее наших детей. Это

совершенно очевидная вещь.

А люди, которые не хотят этого понять, особенно из числа сегодняшнего руководства, должны понять, что если дальше они будут продолжать делать то, что они делают, я уже тоже об этом говорил, они ставят вообще под вопрос будущность украинской государственности, и, если это произойдёт, это будет целиком и полностью на их совести.

Что сейчас происходит? Я уже говорил о том, какие цели мы перед собой ставим.

Первое – конечно, защитить людей, которые проживают в Донбассе. Каким способом? Путём демилитаризации и денацификации Украины, придания ей нейтрального статуса. Почему? Потому что если нейтральный статус, то уже в НАТО не соберутся. А у них в Конституции записано, что они идут в НАТО. Вы понимаете, в Конституцию записали!

Что такое денацификация? Я с западными коллегами разговаривал – «а что такое, у вас тоже есть радикалы». Да, у нас есть, но у нас нет в Правительстве радикалов. И все признают, что там есть. Да, может быть, у нас есть какие-то придурки, которые со свастикой где-то бегают, но разве мы поддерживаем это на правительственном уровне? Разве у нас ходят с факелами тысячи людей по столицам – по Москве либо по другим нашим региональным столицам, со свастикой и с факелами, как в 30-е годы в Германии? Разве это есть у нас? А там есть и поддерживается. Разве мы поддерживаем тех, кто убивал русских, евреев, тех же поляков во время войны, разве мы делаем из них героев? А там делают.

То, что сейчас происходит, тоже очень важно. Смотрите,

захватили в заложники иностранных граждан в Сумах, в Харькове – свыше шести тысяч молодых людей, студентов. Согнали на железнодорожный вокзал и держат уже третьи сутки. Послушайте, третьи сутки держат там ребят! Всем сказали. Донесли это до действующего руководства Украины – «да-да, конечно, сейчас всё сделаем». Донесли до лидеров ведущих европейских стран, я лично говорил, – «да-да, сейчас повлияем». Сказали Генеральному секретарю Организации Объединённых Наций – «да, сейчас разберёмся». Никто ничего не делает! Ещё хуже относятся к тем людям, которых сами считают своими гражданами. Просто реально, напрямую прикрываются ими как живым щитом.

В Мариуполе это происходит прямо сейчас, когда мы с вами разговариваем. Позвонили из правительства, из Киева, вышли на наших военнослужащих: предоставьте коридоры для выхода граждан. Конечно, наши тут же отреагировали – тут же! – приостановили даже боевые действия, смотрели, что происходит. Не выпускают никого. Вы понимаете, что делают? Никого не выпускают, прикрываются как живым щитом. Кто это? Конечно, неонацисты.

Мы фиксируем там уже и наличие боевиков с Ближнего Востока, из некоторых европейских стран. Мы знаем, речь их слышим в эфире. Применяют так называемые джихад-мобили – начинают взрывчаткой автомобили и гонят на войска. Но ничего у них не получается и не получится.

Кто они такие, если не неонацисты? Именно такими действиями они и разрушают свою страну и свою государственность.

Поэтому у нас одно из ключевых требований – это

демилитаризация, то есть мы помогаем гражданам, жителям Донбасса, добиваясь нейтрального статуса Украины, добиваясь демилитаризации страны, потому что мы должны чётко и ясно понимать, какие вооружения, где находятся, под каким контролем.

Здесь разные варианты возможны, мы их сейчас обсуждаем, обсуждаем в том числе и с представителями киевского правительства в ходе переговорного процесса в Белоруссии. Спасибо Президенту Лукашенко за то, что он организует эту работу и помогает вести эти переговоры.

Наши предложения – на столе у группы переговорщиков из Киева. Надеемся, что они на это положительно отреагируют.

Примерно так.

Пожалуйста, давайте дальше.

Ю.Швидкая: Швидкая Юлия, второй пилот авиакомпании «Аэрофлот».

Владимир Владимирович, здравствуйте!

Мой вопрос по поводу нынешней ситуации. Дело в том, что очень много слухов по поводу объявления военного положения, по поводу призыва добровольцев, вызова резервистов, и в том числе о том, что дополнительно призывники будут отправлены на Украину.

Не могли бы Вы точно сказать, будет ли объявлено военное положение и будут ли призываться срочники на территорию Украины?

В.Путин: Очень многое из того, что происходит, из того, что сейчас мы видим и с чем мы сталкиваемся, – это, безусловно, способы ведения борьбы с Россией. Кстати

говоря, те санкции, которые вводятся, сродни объявлению войны.

Но, слава богу, пока до этого не дошло. Думаю, что понимание того, чем это чревато и чем это грозит для всех, у наших так называемых партнёров всё-таки присутствует, несмотря на их безрассудные заявления, как это было сделано Министром иностранных дел Великобритании, когда она ляпнула, что НАТО может быть вовлечено в конфликт, и нам пришлось сразу же принять решение о приведении в особый режим несения дежурства наших сил сдерживания.

Реакция последовала – сказали, что ничего такого не имелось в виду. Но никто же её не одёрнул – она женщина, Министр иностранных дел, – никто не дезавуировал эти заявления. Хоть что-нибудь кто-нибудь на это счёт сказал бы нам: вы знаете, это её личное мнение, не обращайтесь внимания. Никто ничего! А мы-то что должны по этому поводу думать? Что нам думать на этот счёт? Конечно, мы восприняли это как сигнал и отреагировали соответствующим образом.

Теперь [ответ] непосредственно на Ваш вопрос по поводу добровольцев, призывников, военного положения и так далее. Военное положение вводится в стране в соответствии с законом по указу Президента, и он должен быть подтверждён решением Совета Федерации, в случае внешней агрессии, в том числе в конкретных районах проведения боевых действий. Но у нас такой ситуации нет и, я надеюсь, не будет. Это первое.

Второе – что касается особого положения. Существует несколько вариантов: военное положение, особое

положение. Оно вводится тоже указом и по решению Совета Федерации в случае каких-то крупномасштабных внутренних угроз.

Есть ещё один режим – режим чрезвычайной ситуации. Он, как правило, вводится регионально, может вводиться и на всей территории страны в случае техногенных катастроф, природных катаклизмов и так далее. Слава богу, такого тоже нет.

Мы не планируем вводить никакого особого положения на территории Российской Федерации. Не планируем, нет такой необходимости сегодня.

Да, мы видим, что, как я уже сказал, предпринимаются попытки у нас раскачать общество. Кстати говоря, это тоже подтверждение моих слов о том, что мы имеем дело не просто с радикалами, а с неонацистами. У нас люди ходят и высказывают своё мнение по поводу того, что им нравится или не нравится в наших действиях на Украине. А там, на самой Украине, тех, которые выражают такие же позиции, как наши представители, так скажем, либеральной части нашего общества, у нас есть уже подтверждения, там их просто хватают на улице сейчас и расстреливают. Сейчас наши спецслужбы подбирают эту информацию, потом дадут. Просто расстреливают. У нас часть нашей либеральной интеллигенции ходит и протестует, а там таких же, точно таких же, кто хоть что-то говорит в отношении России, начали расстреливать прямо, без суда и следствия.

Теперь по поводу военного положения. Повторяю ещё раз: вводится в случае внешней агрессии, военной угрозы.

Надеюсь, такого не произойдёт, несмотря на безответственные заявления некоторых должностных

лиц.

Сейчас мы слышим, что нужно сделать бесполётную зону над территорией Украины. Сделать это невозможно на самой территории Украины, можно только с территорий каких-то соседних государств. Но любое движение в этом направлении будет нами рассматриваться как участие в вооружённом конфликте той страны, с территории которой будут создаваться угрозы для наших военнослужащих. Мы в эту же секунду будем рассматривать их как участников военного конфликта, и уже всё равно, членами каких организаций они являются. Поэтому, надеюсь, понимание этого есть и до этого тоже не дойдёт.

В этой операции принимают участие только профессиональные военные, офицеры и контрактники. Призывников нет ни одного, и мы не планируем это делать и не собираемся. Повторяю ещё раз, в этой операции принимают участие только мужчины, которые добровольно сделали для себя очень ответственный выбор в жизни – защищать Родину. Они выполняют эту задачу с честью. Почему именно так и есть, почему мы имеем право об этом сказать, я только что, в ответе на первый вопрос, Вам сформулировал.

То же самое касается и тех, кого призывают на сборы: нет, мы не планируем этого делать и в отношении этой категории. Их регулярно на сборы призывают, до и после будут призывать. Но и эту категорию мы призывать не собираемся, и участвовать в этом конфликте, в этой операции они не будут. Достаточно нам сил и средств, для того чтобы решать эти задачи, которые мы перед собой ставим, силами профессиональной армии.

Кстати говоря, по ходу самой операции могу сказать. Много всяких, я знаю, домыслов. Правда, мне особенно и некогда с этим знакомиться, но докладывают, что много всяких разговоров по поводу того, что и как идёт. Все аналитики видят, что происходит, поэтому никакого секрета я вам здесь не раскрою. Можно было бы действовать по-разному, можно было просто – кстати, отчасти ответ на Ваш вопрос – помогать республикам Донбасса прямо на линии соприкосновения, на фронте, что называется, и просто нашей российской армией подкрепить их. Но в этом случае с той стороны, имея в виду безоглядную поддержку со стороны Запада националистов и радикалов, с той стороны бесконечно шла бы поддержка материальными ресурсами, боеприпасами, техникой и так далее.

Поэтому наш Генеральный штаб, Министерство обороны пошли другим путём. Первое, что сделали, – уничтожили всю военную инфраструктуру. Не всю, частично, в основном: склады с вооружением, боеприпасами, авиацию, системы ПВО. Системы ПВО, их устранение требует определённого времени – вы люди мирные, но всё-таки к авиации имеете отношение – их нужно вскрыть, потом поразить.

Практически эта работа завершена. Отсюда и требование закрыть небо. Но реализация этого требования сопряжена с колоссальными и катастрофическими последствиями не только для Европы, но и для всего мира. Я думаю, что понимание этого у тех, кто на той стороне что-то там маракует, есть.

Поэтому пошли этим путём – абсолютно правильно, как оказалось. Спокойно наши военнослужащие работают, делают всё для того, чтобы обеспечить безопасность мирного населения.

К сожалению, эти бандиты, неонацисты людей не жалеют. Расстреливают даже своих военнослужащих, которые не хотят оказывать вооружённого сопротивления, – такие факты у нас тоже есть. Националисты, бандеровцы, неонацисты – по-другому не назвать – расстреливают своих военнослужащих. Почти в каждую более или менее часть внедрены эти националисты, по несколько десятков человек, и действуют именно таким жестоким образом.

Но, повторяю, ни призывников, ни тех, кто призывается на сборы, – мы никого не используем и не собираемся использовать при проведении этой военной операции.

Исхожу из того, что наша армия решит все стоящие перед ней задачи, ни на секунду в этом не сомневаюсь. Об этом говорит весь ход операции. Она идёт просто по плану, по графику, всё делается так, как и запланировал Генеральный штаб.

Что касается добровольцев и тех молодых людей, которые приходят в военкоматы, – мы благодарны им за этот патриотический порыв и желание поддержать страну, поддержать Вооружённые Силы. Наверное, сам факт того, что они приходят, уже имеет значение. Но их помощь пока не требуется, и уверен, и не потребуется.

Поворачиваюсь к камере – они увидят и услышат, что я сейчас говорю: спасибо.

Давайте продолжим дальше.

К.Шапошникова: Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Шапошникова Кристина, пилот отряда Airbus A320 авиакомпании «Аэрофлот».

Скажите, пожалуйста, – наверное, такой вопрос, который

многих волнует: применяются ли на данный момент или планируются какие-то меры поддержки семей и социально уязвимых категорий граждан, а также бюджетников в сложившейся экономической ситуации? И, наверное, многих интересует вопрос поддержки наших предпринимателей, так как они обеспечивают рабочие места и выплачивают заработную плату.

Спасибо.

В.Путин: Во-первых, все социальные пособия мы будем в соответствии с имеющимися у нас планами индексировать, как и положено. И пенсии, и социальные пособия – они все будут индексироваться.

Теперь по поводу бизнеса. Я считаю, что в тех условиях, в которых мы сейчас находимся, выходом может быть только одно – максимальная экономическая свобода для людей, которые занимаются бизнесом.

Поэтому здесь у нас уже принят ряд решений, Правительство работает над расширением этих мер поддержки. Это в том числе касается снятия различных ограничений на предпринимательскую деятельность, это связано с либерализацией уголовного законодательства.

Например, я поддерживаю – в принципе, такое решение уже принято – нужно избавить людей от угрозы уголовного преследования за экономические преступления, тем более если возмещён ущерб. Это первое.

Второе – что касается налоговых преступлений. Да, конечно, правонарушения недопустимы, но мы согласились с тем, что уголовные дела в этом случае могут быть возбуждены только по материалам налоговой службы. Мы, безусловно, будем это делать, пойдём именно по этому

пути.

Для тех, кто бизнесом занимается, это чрезвычайно важно. Люди знают об этом. Честно говоря, давно ставят представители бизнеса вопросы подобного рода. Я думаю, что они услышат и соответствующим образом это оценят.

У Вас был второй вопрос. Я здесь накосячил что-то, трудно разобрать, что я здесь написал.

К. Шапошникова: Вопрос по поддержанию семей.

В. Путин: Смотрите, у нас выработана целая система поддержки семей, особенно семей с детьми. У нас есть пособие от нуля до полутора лет, затем – от полутора лет до трёх, от трёх до семи, будущим мамам, беременным женщинам, находящимся в непростой финансовой ситуации, тоже оказывается поддержка. И оказывается поддержка семьям с детьми, неполным семьям, где только один родитель, [на детей] от семи, точнее уже от восьми лет до 18 лет. У нас стоит задача выработать единую систему. От восьми до 18 лет – в некоторых регионах оказывают поддержку, в некоторых нет. Федеральной пока тоже нет.

У нас какая задача стоит? Выработать единую, стройную, абсолютно понятную для всех систему поддержки будущих мам и всех детей до 18 лет. У нас выработан соответствующий план на этом пути. Поверьте, прямо с утра мы с Правительством это обсуждали: и с социальным блоком, и с Министерством финансов, и с Администрацией, – прямо сегодня утром этим занимались. Соответствующие меры готовятся, и в ближайшее время, я сейчас просто забежать вперёд не буду, но в ближайшее время я скажу о том, какие следующие шаги в выстраивании этой стройной системы мы

сделаем.

Но мы по этому пути обязательно пойдём, и всю эту систему, то есть от беременности, от рождения ребёнка и до достижения им 18 лет, мы выстроим. В ближайшее время объявим о том, какие на этом пути будут приняты необходимые решения и шаги.

К.Шапошникова: Спасибо.

В.Путин: Да, пожалуйста.

В.Карпцова: Здравствуйте, Владимир Владимирович!

Карпцова Виктория, бортпроводник «Аэрофлота».

У меня к Вам такой вопрос. Сложности в авиации начались, когда в мир пришла пандемия, – сократилось количество рейсов. К началу 2022 года была надежда, что возобновятся наши рейсы в прежнем объёме. Но сейчас из новостных сводок мы узнаём, как страна за страной закрывают небо для российских авиакомпаний. Безусловно, это обоюдоострая ситуация. Как, например, теперь из Лондона можно улететь в Токио? Это очень сложно. Безусловно, такое было раньше, во времена Советского Союза. Но хотелось бы понять, по Вашему мнению, сколько продлится такая ситуация?

В.Путин: Виктория, это не от нас зависит только. Это зависит от тех, кто это делает. Делают себе в ущерб. Я думаю, что им тоже не очень нравится это делать. Они делают это под политическим прессом со стороны своих властей.

Эти сибирские маршруты, на которые Вы намекаете, – они же если через Сибирь не пойдут, а мы им закрываем [небо], они будут увеличивать время в пути, увеличивать

количество керосина, которое на это будет тратиться, значит, увеличивать стоимость билетов и так далее.

Исхожу из того, что по мере изменения ситуации в целом будет меняться и это направление.

Что касается того пандемийного периода, о котором Вы сказали, то у нас за пандемию сократилось количество внутренних перевозок на 88 процентов, а внешних, за рубеж, – более чем на 90, почти всё закрылось. В принципе, у нас есть опыт таких стресс-ситуаций. Но за прошлый год мы превысили внутренние перевозки на 20 процентов по сравнению с допандемийным уровнем. Я могу ошибиться, по-моему, 87,5 миллиона пассажиров перевезли, это на 20 процентов больше, чем допандемийный уровень.

Что будем делать сейчас? Будем наращивать, конечно, внутренние перевозки. Там, где будем летать за границу, – там будем летать. Будем стремиться к тому, чтобы ситуацию поменять.

Вы знаете, здесь есть и минусы, конечно, поскольку создаются неудобства для людей, но есть и плюсы с точки зрения развития собственной инфраструктуры. Мы будем развивать собственную авиацию, новые собственные воздушные суда будем строить, такие как МС-21, Ил-114–300, «Байкал» и так далее.

Будем развивать дальше аэродромную сеть. У нас существует целая программа развития аэродромной сети. По-моему, там 57 аэродромов, 60 разных мероприятий. Что такое мероприятия? Это всё, что связано с улучшением инфраструктуры, со строительством новых полос и так далее. Это называется «территориальная связанность

страны».

Это очень большая работа, но это ещё один толчок к развитию, в том числе и промышленности, и инфраструктуры, – так же как мы в своё время сделали это, уделив особое внимание развитию сельского хозяйства. 25 миллиардов долларов мы по прошлому году, по-моему, заработали на экспорте сельхозпродукции. Вы знаете, ещё совсем недавно это казалось абсолютно нереалистичным, но мы сделали это. Но дело даже не в объёмах экспорта. Дело в том, что мы по всем продуктам питания полностью обеспечили себя, по основным продуктам питания полностью закрыли потребности страны. В этом смысле, как у нас говорят в народе, не было бы счастья, да несчастье помогло. Так же будем действовать в области авиастроения и в области перевозок.

Ю.Василевская: Добрый день, Владимир Владимирович!

Василевская Юлия Юрьевна, пилот авиакомпании «Аэрофлот».

Вопрос начну с упоминания всем известного самолёта МС-21. Самолёт, безусловно, хороший, поскольку по техническим и всем характеристикам он не уступает зарубежным аналогам. Но при этом наша компания не сможет за один момент поменять Boeing и Airbus. Я как пилот Airbus волнуюсь за будущее нашего парка.

В связи с этим возникает следующий вопрос: как в ближайшее время авиаотрасль будет осуществлять перевозки, притом что лизинговые компании хотят забрать себе наши самолёты? И как будет выполняться покупка важнейших запчастей для своевременного обслуживания, ремонта и технического обслуживания самолётов

в авиапарке.

Спасибо.

В.Путин: Во-первых, хотел бы что сказать? Вы отметили, что МС-21 не уступает западным аналогам. Он лучше по многим параметрам, реально лучше: там фюзеляж шире, там между креслами удобнее размещаться, для багажных отделений больше места – он лучше.

Кстати говоря, в предыдущие несколько лет наши конкуренты, в том числе и американские, вели себя крайне непорядочно, я считаю. Ведь взяли и внесли некоторые материалы, которые не имеют никакого отношения к оборонной промышленности, под предлогом того, что они двойного назначения, под предлогом, никакого двойного назначения там нет, – взяли некоторые материалы и внесли в санкционные списки. Почему? Потому что у них появлялся свой продукт, свои самолёты, явно уступающие МС-21 по конкуренции.

Мы сделали то, чего они нас пытались лишить, – мы сами изобрели эти материалы, и они лучше даже, чем иностранного производства. Но, к сожалению, произошла сдвигка немножко вправо, как говорят, по графику, то есть позднее это всё у нас начало появляться где-то на год-полтора. Но мы сделали это.

Мы сделаем так же и по другим направлениям. У нас знаете, как говорят: гром не грянет – мужик не перекрестится. Точно, это про нас. Когда нас обстоятельства заставляют что-то делать, мы это делаем и добиваемся этого. Так же и с МС-21 получается. Там ПД-14 двигатель у нас, он не только не уступает, а действительно по многим показателям лучше. Да, нужно ещё какое-то время,

несколько месяцев, и будет наш двигатель стоять, самолёт будет наш целиком и полностью, современный и российского производства.

Лизинговые компании и запчасти. Я сейчас не буду вдаваться в детали, но у Вашего бывшего руководителя, а сегодня Министра транспорта, есть на этот счёт свои соображения, он мне докладывает их регулярно, по утрам звонит практически каждый день. В целом я поддерживаю эти соображения. Дадим ему возможность вести переговоры с партнёрами. Я надеюсь, что они договорятся о том, что лежит и в зоне их собственных интересов. Но исхожу из того, что летать мы будем.

Ю.Василевская: Спасибо.

В.Путин: Пожалуйста, что-то ещё?

Н.Горбунова: Горбунова Наталья, бортпроводник «Аэрофлота».

Владимир Владимирович, сейчас, в данной ситуации, действительно хочется помочь и стране, и нашей отрасли. Мы должны больше летать внутри страны. Скажите, пожалуйста, как будет развиваться региональная авиация в ближайшие годы?

В.Путин: Вы знаете, я уже упоминал об этом, это одна из важнейших задач – территориальная связанность страны, по нескольким направлениям. Первое – это воздушные суда отечественного производства: начиная от Л-410; на 60 кресел, 62, по-моему, – Ил-114–300; затем МС-21. Мы сейчас были с Машей в тренажёре «[Сухой] Суперджет-100». Всё это будем развивать. Там, где не хватает какой-то локализации, обязательно этого добьёмся и сделаем. Это первое.

Вторая составляющая – это аэропорты, ведь для того, чтобы летать, нужно откуда-то взлетать и куда-то садиться. Поэтому программа здесь у нас большая, обширная, она идёт. Там, кстати, по-моему, свыше десятка мероприятий уже осуществлено – это модернизация, строительство новых полос. Она будет сделана, мы дальше, безусловно, пойдём по этому пути.

Третье – будем и дальше, конечно, субсидировать отдельные перевозки. Прежде всего, конечно, имеется в виду Дальний Восток и компания, которая там работает, – «Аврора». Мы в этом году в пять раз увеличили субсидирование на этих линиях – до шести миллиардов рублей. Если потребуется, увеличим ещё.

Так что будем добиваться того, чтобы не нужно было летать из одного маленького населённого пункта в другой через Москву. Это задача номер один. Последовательно, не спеша будем её решать и решим обязательно.

Пожалуйста, что-то ещё?

Г.Каирова: Добрый день, Владимир Владимирович!

Каирова Галина, пилот учебно-лётного отряда авиакомпании «Аэрофлот».

Период пандемии очень затронул каждую из нас.

Но авиаотрасль выдержала эти испытания, и в прошлом году внутренние авиаперевозки даже превысили объём 2019 года.

В.Путин: Да, я говорил.

Г.Каирова: В том числе благодаря поддержке государства.

В.Путин: Плюс 20 процентов.

Г.Каирова: Да, это очень много и достаточно.

Что нам ожидать, как быть дальше? И как государство будет поддерживать нашу отрасль?

В.Путин: Мы немножко начинаем по кругу ходить, я в принципе отвечал и хочу ещё раз сказать – только что говорил по поводу субсидирования этих перевозок, в том числе на Дальний Восток, некоторые другие территории, – будем увеличивать эту поддержку, в пять раз увеличили. Будем развивать транспортную инфраструктуру, самолёты свои производить. И конечно, будем делать всё для того, чтобы связанность страны была на должном уровне и чтобы наши граждане чувствовали это на себе.

Это нужно не только гражданам, хотя это задача номер один, но это нужно и экономике, потому что это касается не только транспортных перевозок, но касается и деловых людей, о которых Вы здесь беспокоились. Потому что это имеет значение – прилететь и улететь вовремя. Я знаю, когда осуществляются, допустим, какие-то крупные проекты, специалисты всегда на это смотрят: можно ли быстро добраться до места и быстро уехать в Москву, в Петербург, в другие крупные города, в Казань, для того чтобы какие-то деловые вопросы решать или просто к семье вернуться, если речь идёт о северах. Так что по всем этим направлениям будем двигаться.

Я вас хочу поздравить ещё раз с наступающим праздником, пожелать вам всего самого доброго.

Спасибо вам за такой тёплый приём.